

▲Annotation

– Сколько ты хочешь? Миллион? Два? Просто выноси, роди ребенка, и я исчезну из твоей жизни вместе с ним. Ты получишь жизнь о которой всегда мечтала, объедешь весь мир...

– Я добьюсь всего своим талантом. Так что мой ответ – нет. Что делать с детьми, я решу сама.

– У тебя двойня?

Я отвернулась в сторону, и тут взгляд зацепился за зеркало сбоку от мужчины. Лицо в нем начало неувовимо меняться, а на голове как по волшебству выросли... РОГА?!

– Двойня... – хмыкнул он, тем временем. – Что ж, это многое меняет.

А отражение в зеркале облизнулось раздвоенным языком.

Рогатый папа

Екатерина Лира

– Сколько ты хочешь? Миллион? Два? Просто выноси, роди ребенка, и я исчезну из твоей жизни вместе с ним. Ты получишь жизнь о которой всегда мечтала, объедешь весь мир...

– Я добьюсь всего своим талантом. Так что мой ответ – нет. Что делать с детьми, я решу сама.

– У тебя двойня?

Я отвернулась в сторону, и тут взгляд зацепился за зеркало сбоку от мужчины. Лицо в нем начало неувовимо меняться, а на голове как по волшебству выросли... РОГА?!

– Двойня... – хмыкнул он, тем временем. – Что ж, это многое меняет.

А отражение в зеркале облизнулось раздвоенным языком.

ОДНОТОМНИК!

ФЭНТЕЗИ!

МИСТИКА!

ТРИЛЛЕР!

ГОРОДСКОЕ

▲Глава 1

– Дочка, делай аборт, – непререкаемым тоном вынесла вердикт мать. – Ну куда тебе сейчас рожать? Только-только в труппе закрепились, партии давать стали. Ты сейчас сразу на своей карьере крест поставишь.

Мамин голос на том конце телефона звучал строго, нравоучительно. Словно в детстве. И я была с ней полностью согласна.

Ну куда мне сейчас ребенок?

Вот только стоило вспомнить сияющее лицо доктора на сегодняшнем УЗИ и его бойкий тон:

«Поздравляю! У вас двойня!»

Как горло начинало судорожно сжиматься, и на глаза наворачивались слезы. Господи, двое! Тут и с одним не знаешь, как поступить. ДВОЕ!

– Мам, я, может, еще и не беременна. На УЗИ так и не попала сегодня... – соврала я, – зря я тебе вообще все это рассказала.

– Ничего не зря. Маме виднее. Не беременна, слава Богу, а если

что – сразу на аборт. Ты меня поняла?

– Да, конечно, мамочка, – тихо произнесла я и поспешила отключиться.

Я встала со стула. Подошла к шкафчику, в котором лежали несколько бутылок с алкоголем, подаренных на работе. Достала самый крепкий. Налила прямо в кружку.

Если уж решила, что все равно аборт делать... Поднесла кружку ко рту и тут же скривилась от резкого запаха.

Господи, что я делаю?

Поспешно вылила все в раковину, при этом рука дрогнула, и часть пролилась на меня.

Выругавшись, поспешно все вытерла и убрала бутылку обратно в шкафчик.

Ведь это еще не дети, просто две точки на экране монитора аппарата УЗИ...

А с такими, как тот мужчина, от которого я беременна, вообще лучше не иметь ничего общего, а уж тем более детей. Черт дернул меня с ним связаться!

▲Всю процедуру нужно будет делать тайно, чтобы он не узнал.

Может, даже в другом городе...

А потом жить как ни в чем не бывало.

Не в силах сдержать эмоции, смахнула с глаз набежавшие слезы и набрала номер телефона лучшей подруги Светки.

Ну как лучшей... За всё время работы в театре я толком не смогла наладить дружеских отношений. Девчонки хоть друг другу и улыбались, спиной старались не поворачиваться. Не хотели получить в неё пару ножей. А может, просто сами держали за спиной по острому лезвию.

А Света в отличие от них была доброй, отзывчивой и простой в общении. Мне казалось, ей как и мне чужда вся эта конкуренция и снобизм. Поэтому, ничего удивительного, что мы к друг другу тянулись.

– Беременна?! – буквально проорала Светлана в трубку, когда я поделилась новостью. И это я еще про двойню ничего не сказала. – От Германа Игнатъевича?! Так у вас все-таки было?!

Мне показалось, или в ее голосе проскользнула какая-то обида?

Видимо, считает, что я должна была сразу ей все рассказать.

– И что ты делать планируешь?

– Что-то... аборт! – зло огрызнулась я, сама не понимая, почему так задели ее слова о планах на будущее. – А у меня еще варианты есть?!

– Моя машина в сервисе, так что сейчас я вызову такси и сразу к тебе! – ее тон моментально стал деловым, и я отбросила лишние мысли. – Жди!

Где-то через час в дверь позвонили, и я поспешила открыть.

Но когда подошла к створке, та вдруг сама собой распахнулась.

На пороге стоял Герман. Тот самый мужчина, чьих детей я сейчас носила под сердцем.

Откуда у него ключи? Откуда он вообще знает, где я живу?

Меня от волнения снова начало тошнить.

Он был в дорогом костюме, с легкой щетиной на лице, но при этом с таким злым и колючим взглядом, что пробирало до самых костей.

Он с легкой брезгливостью осмотрел обстановку.

– Ну здравствуй, Ира, – прошипел он на грани слышимости.

▲Боже! Да что вообще происходит?!

– Скажи мне, радость моя. Разве я тебя не предупреждал? – его тихий голос не сулил мне ничего хорошего.

Я вообще не из пугливых, но тут почему-то от какого-то инстинктивного страха аж дыхание перехватило. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Я только и смотрела, как он подходит ко мне. Медленно, шаг за шагом.

Когда между нами осталось не больше полуметра, он поморщился.

– От тебя воняет. Ты что, пила?

Я отрицательно помотала головой, но по лицу было видно, что он мне не поверил.

– Знаешь, я пытался уважать твои желания. Я смирился с тем, что ты не хочешь иметь со мной ничего общего. Но теперь кое-что изменилось. Я не позволю тебе угробить моего ребенка.

Это Светка ему рассказала? Вот стерва! Змея!!

От нахлынувших эмоций и обиды я наконец отмерла.

– Это все не дает тебе права вот так ко мне вламываться! – уверенно произнесла я, хватая первое, что попало под руку, в качестве орудия защиты.

Это оказалась расческа, но, ничуть не смутившись, я замахала ей перед его лицом.

– И вообще, ты меня пугаешь! Только попробуй что-нибудь сделать!

Глаза его на мгновение как-то странно сверкнули, но, возможно, это просто освещение сыграло злую шутку. Он медленно вдохнул, затем выдохнул. В какой-то момент мне показалось, что он меня просто сейчас ударит, но вместо этого Герман заговорил уже более спокойным тоном.

– Сколько ты хочешь? Миллион? Два? Просто выноси, роди ребенка, и я исчезну из твоей жизни вместе с ним. Ты получишь лучшие партии во всех постановках. Я договорюсь, что тебя примут в Большой. Ты ведь мечтаешь об этом? Стать знаменитой. Объехать весь мир...

– Я добьюсь всего, чего хочу, своим талантом. Так что мой ответ – нет. А теперь, пожалуйста, выйди из моей квартиры. Что делать с

▲детьми, я решу сама.

– Детьми? У тебя двойня? – в его голосе послышалось странное придыхание, от которого стало не по себе.

Я отвернулась в сторону, и тут взгляд зацепился за зеркало сбоку от мужчины. Лицо Германа в нем начало неуловимо меняться, а на голове как по волшебству выросли... РОГА?!

Мать моя женщина, что за чертовщина?!

– Двойня... – хмыкнул он, тем временем. – Что ж, это многое меняет.

А отражение в зеркале облизнулось раздвоенным языком.

Глава 2

Пока я стояла в оцепенении, с ужасом таращась на отражение, он подошел ко мне почти вплотную, поднял руку, дотрагиваясь до моего

подбородка большим пальцем.

– Ира...

Меня затрясло от страха, я попыталась отодвинуться, но не смогла, застыв, парализованная кошмаром. Большой жути я не видела в жизни, а тут словно оживший морок, который тянет к тебе свои лапы.

– Просто скажи, что ты хоч... – он осекся, проследив за направлением моего взгляда, и громко выругался. Такие выражения можно было ожидать от разнорабочего на заводе, но никак не от утонченного мецената-театрала.

Мне показалось, что раздвоенный язык я увидела не только в зеркале, но и у самого Германа. Наяву. Совсем близко.

Видимо, это было последней каплей, потому что окружающие предметы потеряли цвет, став разом черно-белыми, а затем стремительно начали бледнеть, пока все не потонуло в белой пустоте, поглотившей мой разум.

Сначала был запах. Пахло куриным бульоном, свежим хлебом и нарезанной зеленью. Я улыбнулась, вдыхая полной грудью. В голове сложились манящие образы лета, дачного домика у реки, где я когда-то отдыхала у бабушки.

▲Затем была музыка. Отрывистые сильные ноты, цепляющие, узнаваемые. Тихая речка стала бурным потоком, беспощадным водопадом. Прокофьев, «Танец рыцарей» из балета «Ромео и Джульетта». Не узнать одну из любимых тем я не могла. Но, открыв глаза, я с удивлением обнаружила себя лежащей на собственном диване. Села, протирая глаза. Музыка доносилась из кухни, оттуда же шел чарующий запах и раздавалось бряцание посуды. Осторожно встала. Чувствовала я себя на удивление хорошо. Не было даже привычной в последние дни тошноты.

Прошла вдоль коридора, боязливо заглянула на кухню. Пришлось снова протереть глаза, потому что увиденное никак не могло быть правдой.

Герман Нагицкий, сняв пиджак и небрежно бросив его на спинку стула, нацепил на себя мой старый, заляпанный въевшимися пятнами фартук и что-то увлеченно помешивал в кастрюле, стоящей на плите. Пахло при этом так, что пришлось несколько раз сглотнуть набежавшую слюну.

Худая жилистая фигура, высокий рост и длинные тонкие пальцы, которыми я невольно залюбовалась. Его пальцы мне нравились больше всего. Наверное, поэтому после того, как я увидела, как он играет на рояле и они невесомо порхают по клавишам, и согласилась впервые пойти с ним на свидание. О чем только думала, дурочка!

«Танец рыцарей» подошел к концу, телефон, из которого он раздавался, на миг замолчал, и именно в этот момент мужчина заметил меня.

– О, Ирочка! – подбежал и, осторожно подтолкнув в спину, усадил на стул. – Садись. Суп наливать?

Он щелкнул по лежащему на столе телефону, выключая звук.

– Я еще сплю? – с надеждой спросила я.

– Плохо себя чувствуешь? – он картинно вздернул брови, а затем, взяв меня за подбородок, повертел мою голову из стороны в сторону, придиричиво оглядывая. – Ну-ка открой рот.

– Эй! Хватит! – я отодвинулась, выставляя вперед руки. – Сюрреализм какой-то.

Я взглянула поверх его головы, поймав отражение в кухонном шкафчике позади. И в этот момент я наконец вспомнила, что произошло.

▲Рога! Змеиный язык! Я видела их!

Вот только сейчас ни сам Нагицкий, ни его отражение ничего подобного больше не демонстрировали.

Но галлюцинации были еще не самой большой проблемой. Самой большой проблемой была двойня, которую мне сегодня показали на УЗИ. И теперь мой бывший знал об этой проблеме.

«Бывший, – горько усмехнулась своим мыслям. – Можно подумать, три свидания и один единственный раз близости можно считать за отношения!»

– Я не разрешала хозяйничать на моей кухне, – произнесла я с нажимом. – Вам лучше уйти.

– Тебе стало плохо, так что я не мог оставить тебя одну, – он невозмутимо пожал плечами. – Нужно же было чем-то себя занять, пока ты в себя приходишь. Тем более что в холодильнике у тебя шаром покати. Пришлось доставку продуктов вызвать, чтобы хоть что-то приготовить. Ты в курсе, что беременным надо хорошо питаться? Он укоризненно покачал головой и вздохнул так, словно вдалбливает третьекласснице дважды два.

– Кстати, ты все ешь? Какие-то особые предпочтения или аллергия?

– Только на лаванду... – машинально ответила я, но тут же смутилась, чувствуя, как щеки заливают краской.

Боже, какой стыд! Он копался у меня в холодильнике, а я там полгода, наверное, не мыла! И в шкафах столько пыли...

– Лучше бы «Скорую» вызвали! – постаралась упрекнуть его в ответ. Получилось куда резче, чем хотелось бы. А нечего рыться там, где не просят!

– Зачем? – он удивленно приподнял брови. – Я тебя осмотрел. Ты была в полном порядке. Просто перенервничала.

– Осмо... трел? – повторила эхом, чувствуя, как ладони буквально гореть начинают от нестерпимого желания ударить эту самодовольную напыщенную сволочь. – С какой стати?!

– Как врач, – кивнул он и, видя, что я не понимаю, добавил, – я закончил медвуз с отличием, лет этак... хм... шестнадцать-семнадцать назад. Как время летит. Год отучился в ординатуре, но так и не закончил. И потом по специальности не работал. Но кое-что помню еще.

▲– Ух ты... – от неожиданности я даже злиться перестала.

Нагицкий – медик? Кто бы мог подумать. Затем прикинула, во сколько обычно заканчивают учиться...

– Я думала, вам еще нет сорока, – не слишком вежливо брякнула я, лишь затем опомнившись, что я такое несу. Какая мне разница, сколько ему лет. Будь он хоть трижды доктором медицинских наук, пусть убирается из моей квартиры.

– Нет, нет, – обезоруживающе улыбнулся он. – Я тебе говорил уже. Мне тридцать пять. Ну так что? Как насчет супа?

И пока я пыталась понять, во сколько же он мог закончить свой

вуз, он, не дожидаясь ответа, успел поставить передо мной целую тарелку и сам сесть рядом.

– Ешь, – подтолкнул ко мне ложку, – и пока ешь, я расскажу тебе, как мы будем жить дальше.

– Мы? – я чуть не подавилась на этих словах. – Подождите, о каких «мы» может быть речь?

– Ирочка... – тяжело вздохнул Герман.

– Не называйте меня так, – тихо попросила я, почувствовав, как от этого обращения у меня по телу пробежали мурашки. В наш единственный раз он называл меня именно так.

Мужчина недовольно поморщился. В этот момент его телефон вдруг снова заиграл классическую мелодию, я перевела взгляд на экран мобильного, все еще лежащего на столе.

«Хурма».

Я моргнула два раза, чтобы убедиться в том, что прочитала правильно.

Нагицкий же поспешил скинуть звонок и убрать телефон в карман, но не прошло и нескольких секунд, как мелодия снова повторилась.

– Секундочку, – ележно произнес он, вставая с места и отходя в сторону. Вид у него при этом был такой, что звонившему следовало лишь посочувствовать, если причина звонка бы недостаточно веской. Прежде чем Герман вышел из кухни, я лишь успела уловить краем уха женский голос.

Интересно, кто это ему звонит? Хотя нет, совсем не интересно. Наверняка очередная дурочка, на которую он положил глаз. В театре

▲про него и его девиц ходило множество сплетен. Говорили даже, что в примы, кроме как через постель, не попасть.

Он присутствовал на большинстве репетиций, нервируя танцоров одним своим видом. Шутка ли, что в те дни, когда он не появлялся, у всех все получалось в разы лучше. А с ним... выкладываясь на полную, ты, казалось, не мог элементарного. Даже балетмейстер как-то говорил об этом. Говорил, но сделать ничего не мог. Несмотря на то, что театр был государственным, почти все, что делалось там, делалось на деньги Нагицкого.

Ходили слухи, что еще пятнадцать лет назад здание театра было заброшенным, и к нему даже бомжи подходить боялись. А теперь гордость города.

Но, как говорится, кто за девушку платит, тот ее и танцует.

Один танцор как-то даже сказал, сплевывая, что театр для Нагицкого – все равно что личный бордель. Его потом почти сразу уволили, но фразочка прицепилась.

Я же не сразу во все это поверила. Сначала была слишком наивной.

Думала, что он просто странный нелюдимый человек, любящий искусство. У богатых свои причуды, ведь так? Да, он меня порой пугал, но не сказать, что сильно мешал. Он почти ничего не говорил, разве что иногда защищал танцоров, если балетмейстер чересчур начинал распинать их. Но слухи, ходившие вокруг, делали свое дело. Я не хотела быть очередным трофеем, или просто галочкой в очереди его любовниц. И когда три месяца назад он пытался заговорить со мной, то попросту сбежала.

Он еще дважды пытался подловить меня, а затем потерял интерес, начал встречаться с какой-то пышногрудой девицей из солисток оперы,

и я наконец вздохнула спокойно. Впрочем, если быть честной самой с собой, часть меня была разочарована.

В тот день, когда мы заговорили впервые, я пришла пораньше, чтобы размяться. Мне хотелось проявить себя, чтобы меня заметили. Выделиться из массы тех, кто создает общий фон в кордебалете. Перестать быть капелькой в этой большой волне, а самой стать той, что задает направление.

Вот только когда пришла, в зале для репетиций уже был он.

▲– Доброе... утро, – обычно Нагицкий не появлялся в театре до полудня, и поэтому встретить его в семь утра было полной неожиданностью.

Он стоял рядом со станком и, опираясь на него, что-то листал в мобильном телефоне.

– Я еще не ложился, – усмехнулся он. – Так что для меня ночь пока продолжается.

О том, что он мог делать всю ночь в театре, думать не хотелось, но в голову отчего-то настойчиво лезли возможные оргии, которые он мог устраивать. Десяток девиц, ублажающих его вокруг зеркальных стен зала.

Я потрясла головой. Нужно меньше слушать досужие сплетни, а больше работать. Вот только разминаться в присутствии Нагицкого никак не хотелось.

– Я, пожалуй, подожду в гримерной, пока... – начала было я, но Герман меня перебил.

– Я вчера разговаривал с Владимиром, – так звали нашего балетмейстера. – Он сказал, что хотел поставить тебя на роль Феи Драже в Щелкунчике, но на последних репетициях у тебя был отвратительный батман.

Мужчина осуждающе покачал головой, а вот я растерялась. Как так? У меня отличная растяжка, и движения все отточены. Да, партия досталась другой, но я уверена, что была не хуже! Просто Светка, она...

– Думаешь, он просто придирается? – словно в ответ на мои мысли Герман хлопнул рукой по станку. – Покажи.

Неуверенным шагом подошла к зеркалу, берясь за палку.

Приподнялась на пальцы на опорной ноге, плавно подняв и отведя рабочую ногу в сторону, затем назад, затем подняла, задержав на несколько секунд.

– Неплохой релеве лян, – от легкой хрипотцы в его голосе по телу пробежали мурашки. Он медленным шагом направился в мою сторону, словно бы давая возможность сбежать.

Под его немигающим взглядом сердце стало колотиться в два раза быстрее.

– Неплохой? По-моему, я все сделала хорошо, – я сама не понимала, почему меня вдруг задела его пренебрежительная оценка.

▲Мужчина приблизился почти вплотную.

– Когда совершается подъем ноги в сторону, – он положил руки мне на талию, – корпус должен оставаться в том же положении. Давай еще раз.

К тактильным контактам на репетициях привыкаешь быстро.

Мастеру вечно приходится что-то подправлять в стойке, позициях, постоянные тренировки поддержек, но здесь... сейчас... Чужие ладони

буквально прижигали кожу. Вроде бы ничего такого. Но легкое касание казалось чем-то запретным, интимным.

– Еще раз, – повторил он негромко.

Попытавшись абстрагироваться от внезапно проснувшейся чувствительности, я снова начала подъем.

Пыталась ли я сейчас ему что-то доказать? Или мне действительно было приятно внимание этого мужчины?

– Под ягодичной мышцей есть шесть небольших мышц, которые и разворачивают ногу, – тем временем, начал рассказывать он. Нужно использовать именно их, чтобы не перегружать переднюю сторону бедра.

Все это я и так знала. И считала, что выполняю все отлично. Но неужели балетмейстер действительно жаловался на меня?

– Нужно представить, словно между ягодич монетка, – услышала я его тихий смехок, – и попытаться удержать ее. Часть усилия передается на сустав, и бедра... раскрываются.

Последнее слово в его устах звучало отвратительно порочно, словно бы речь сейчас шла совсем не о технике выполнения батмана.

– Я не чувствую напряжения, – он невесомо обвел рукой мою попу кончиками пальцев.

Внутри что-то сдвинулось. Я резко развернулась и что было силы залепила ему пощечину.

– Я не одна из тех девиц, что готовы запрыгнуть к вам в койку ради денег.

– Конечно не одна из них. Мои делают батман по-настоящему идеально, – язвительно ответил Герман, словно не заметив удара.

Лишь чуть покрасневшая щека свидетельствовала о том, что я действительно это сделала. – Тренируйся лучше. Тогда, может быть, дорастешь. До главных партий.

▲Нагицкий отступил, старомодно поклонился и наконец ушел. И вот в зеркальных стенах уже отражаюсь только я одна.

Тренировалась в тот день я остервенело и отчаянно, словно от точности движений зависела моя жизнь.

Только не смотря на это собственный сисон увэрт казался катастрофически неправильным. Опорная нога дрожала, то и дело соскальзывая с точки, руки ходили ходуном.

А придя домой, проплакала весь вечер. Все потому, что хоть Нагицкий и пугал меня, хоть и был непроходимой сволочью и бабником, он мне действительно нравился. Нравилась его слегка вьющиеся волосы, тонкие черты лица. Нравился ореол таинственности, что его окружал, нравилось повышенное внимание к нему окружающих.

Но я не хотела быть девочкой ни на вечер, ни на неделю. И я мечтала всего добиться своим талантом.

А на следующий день наш меценат был в компании очередной любительницы красивой жизни, еще через пару дней – новой. Девушки начали меняться чаще, а балетмейстер становился на репетициях все злее и злее. Все потому, что Нагицкий почти перестал их пропускать, а в его присутствии танцоры выступали из рук вон плохо.

Я же уже начала думать, что на моей карьере поставлен крест, как вдруг меня наконец стали выделять, затем была основная балетная партия в постановке Аиды. Я даже уверяла подруг из кордебалета, что

вот же, смотрите! Я отказала Нагицкому, а партию получила. Вот только через неделю после премьеры Аиды он снова ко мне подошел...

Я ведь знала, что добром это все не кончится, зачем только согласилась пойти с ним на ужин?!

Или, может быть, теперь, когда я уже хоть что-то представляла в собственных глазах, встретиться с ним было не так зазорно? Ведь никто уже не сказал бы, что роль я получила не за талант? Теперь я уже плохо понимала собственные мотивы, заставившие меня сказать «да». Одно я знала точно, это было ошибкой. От таких бабников, как он – следует держаться подальше, если не хочешь, чтобы потом было больно.

▲И сейчас, сидя за столом перед тарелкой приготовленного мне Нагицким супа, больше всего я жалела, что нельзя повернуть время вспять.

Глава 3

– Я понимаю, что ты сейчас растеряна и сбита с толку, – я вздрогнула, услышав его голос. Так погрузилась в собственные мысли, что не заметила, как он вернулся. – Ты молода и не планировала так скоро становиться матерью. Но раз уж все так получилось, подумай, какую пользу ты сможешь из этого извлечь.

– Я не собираюсь торговать этим. – отрезала я. Сама мысль о том, что я рожу и отдам детей кому-нибудь, пусть даже кровному отцу, была дикой. Да и зачем ему они? Герман Нагицкий – один из богатейших людей города, известный меценат. Если бы ему так нужны были дети, он бы легко мог нанять себе целую армию суррогатных матерей и получить не одного малыша, а сразу целый детский сад.

– Нет, нет. Конечно, нет, – покладисто кивнул мужчина. – Просто не торопись, взвесь все «за» и «против» и прими правильное решение. По его тону сразу становилось ясно, что правильное решение здесь может быть только одно. То, что выгодно ему.

– Хорошо. Я подумаю, – уклончиво ответила я.

– Вот и замечательно, – просиял Герман. – В таком случае, встретимся в театре... хотя... Как ты добираться до работы?

– Пешком, тут всего полчаса пути, если дворами.

– Я пришлю машину.

– Я хожу пешком, – с нажимом повторила я.

Все это очень живо напомнило еще одну причину, почему я не захотела продолжать отношения с этим человеком. Он ведь просто не понимал слово «нет»!

– Замечательно, – приторно улыбнулся он. – В любом случае, до завтра. А в прочем завтра пятница, у меня были другие планы. Дам тебе время еще раз все обдумать. Так что поговорим в понедельник. Ты ведь в курсе, что балетный фестиваль, проводимый у нас, уже скоро? Для тех, кто хорошо себя там покажет, будут открыты все двери.

▲В этом году выходим на мировой уровень. Еще бы я не была в курсе. Последние дни на репетициях балетмейстер гонял всех в хвост и в гриву, чтобы не ударить лицом перед «дорогими гостями» и критиками. В прошлом году именно после этого фестиваля одна из наших прим получила приглашение на работу в Москву. Нагицкий вышел из квартиры. И лишь когда за ним захлопнулась

дверь, я поняла, что так и не спросила, как он вообще вошел, как сумел открыть замок.

И как, черт возьми, он вообще узнал о моей беременности?

Вздыхнув, поднялась с места. Войти Герман мог, только если я сама дверь за собой не закрыла. Это было бы вполне логично. В том состоянии, в котором я вернулась сегодня домой, можно собственное имя забыть, не только замок защелкнуть. Вот только стоило дернуть ручку, как я удивленно ахнула.

Она не поддавалась. На всякий случай, проверила все замки еще раз.

Ерунда какая-то.

Ведь не может же у Нагицкого действительно быть ключей от моей квартиры? Или может?

По спине пробежал неприятный липкий холодок.

Пораженная этой мыслью, я тяжело опустилась на тумбочку в прихожей. Внутри боролись два противоположных порыва. Один из них – это собрать сейчас же вещи и рвануть куда-нибудь, где никто не найдет. Например, за Урал, к дальним родственникам по отцу.

Купить сразу несколько билетов, в разных направлениях, чтобы даже со своими связями Нагицкий не смог сразу понять, куда я отправилась...

Я просидела так, должно быть, с полчаса, если не больше, обдумывая безумный план своего побега, как вдруг в дверь снова позвонили.

Заглянув в глазок, сразу испытала облегчение и полезла открывать.

– Светка! Ты чего так долго? – вид у подруги был слегка потрепанный.

Волосы выбивались из привычного высокого хвоста, тушь слегка потекла, делая стрелки на глазах неровными.

▲– Так, я сразу в туалет! – выпалила она, юркнув мимо меня. – Ты прикинь, только ты мне позвонила, как у меня унитаз прорвало, я соседей чуть не затопила.

Хлопнула дверь ванной комнаты.

– Пришлось срочно сантехника вызывать, он мне все перекрыл, но чинить, сказал, только завтра с утра будет. Вот гад, да? – она повысила голос, чтобы ее было слышно. – Так что я у тебя ночую. Ты не против? Все равно завтра репетиция с обеда, утром же оперные репетируют.

Я тем временем, вернулась на кухню. На столе стояла так и не тронутая тарелка супа с ложкой.

– О, это ты мне? – зайдя вслед за мной, Светка бесцеремонно уселась за стол и принялась за еду. – Умираю с голоду. Хотя я столько набрала за последний месяц, что Владимир Витальевич сказал мне... Что?

Я не сразу поняла, о чем речь.

– Ты смотришь на меня так, словно я у тебя на глазах расстреляла кого-то. Что случилось?

Мне пришлось сделать глубокий вдох и выдох, чтобы голос был спокойным, а смысл слов гораздо более мягким, чем все то, что крутилось на языке.

– Свет. Скажи честно. Это ты Нагицкому сказала, что я забеременела?

Я внимательно посмотрела на подругу, стараясь подметить малейшую реакцию. Брови ее сдвинулись к переносице, глаза сузились, а на лице отразилось недовольство пополам с каким-то затаенным страхом. Хотя, может, я просто неправильно поняла? Ей-то чего бояться?

– Он что, узнал? – она казалась искренней. – Ты кому еще растрепать успела?!

От ее обвинительного тона я на мгновение впала в ступор.

– Вообще-то никому, кроме тебя, – скрестила руки на груди. Если она надеется таким образом отвести от себя подозрения, то зря старается.

– Ты что... ты думаешь, это я? – от возмущения Светка вскочила на ноги. В одно мгновение мне показалось, что она сейчас просто выбежит из квартиры, сказав, что раз я так думаю, то и не подруга ей

▲больше. Но девушка вдруг снова нахмурилась и опустила за стол, беря ложку в руки. – С чего ты вообще решила, что он знает?

– Потому что он был здесь сегодня, – сухо ответила я. – Заявил, что не позволит мне делать аборт. А потом...

Я замолчала. Не рассказывать, в самом же деле, Светке о галлюцинациях с рогами.

Должно быть из-за нервов, но есть захотелось особенно сильно. Бросила мимолетный взгляд на еще не успевшую остыть кастрюлю с супом. Может, и правда поест? Вряд ли бы Нагицкий стал меня травить сейчас. Да и Светка вроде пока жива и здорова, а съела уже почти всю порцию.

– А потом? – пытливо поторопила подруга.

– Потом ему позвонил кто-то, он выходил говорить. И после этого почти сразу ушел.

Сдавшись, я все-таки полезла в шкаф за тарелкой. И налила себе целую поварешку.

– Вот кобель! – с чувством выругалась Светка, я и была с ней полностью в этом согласна.

Я поставила тарелку на стол и уже уселась рядом, когда подруга вдруг хлопнула себя по лбу.

– УЗИ! – вытаращив глаза, выпалила она.

– А что с ним?

– Протокол обследования у тебя? Ну-ка покажи!

Вздыхнув, тоскливо посмотрела на стоящую передо мной тарелку, но все же поднялась и принесла из сумки сложенный вдвое лист. Я думала, подруга начнет вчитываться в результаты, но вместо этого она ткнула в печать медицинской организации.

– «Алмаз-мед»! – она картинно хлопнула себя ладонью по лбу, а затем окинула меня таким взглядом, словно, как минимум, сомневалась в моих умственных способностях. – Ты бы еще Нагицкому сама СМС сбросила, а потом бы удивлялась и спрашивала: «Кто ему сообщил?»

– А причем здесь клиника? Она разве ему принадлежит?

Светка закатила глаза к потолку.

– Ты как будто вчера родилась, честное слово. Владелец «Алмазмед» – Виктор Алмазов. Он же постоянно у нас в театре с Германом

▲Игнатьевичем встречается. Скажи еще, что ни разу не видела! Высокий такой, с зелеными глазами.

– Ну, может, и видела... – смутно припомнила я. – Но мне его никто не представлял...

Я всегда удивлялась способности Светки быть в курсе всех сплетен и слухов одновременно, знать все обо всех, кто с кем спит, кто с кем обедает, кто с кем поругался или, наоборот, помирился. Запоминать кучу имен, фамилий. Тогда как я и лица порой запоминала с трудом.

– Нашлась птица, чтоб тебе таких важных людей представляли, – ехидно отозвалась Светка. – Сама должна крутиться и узнавать. Не маленькая.

– Мне просто не интересно, – пожала плечами, отравляя в рот первую ложку.

Это было вкусно. Нежная кремовая текстура, крепкий бульон. Где, интересно, Нагицкий мог научиться так готовить?

– Ну-ну. Не интересно ей. Мисс «смотрите, меня взяли за талант», – с обидой произнесла подруга. – Теперь не знаешь, как от этого таланта избавиться. Двойная порция вышла.

Она кивнула на листок с результатом УЗИ.

– Ох, ладно тебе. Я... извини. Не должна была подозревать тебя, – я примирительно постаралась закончить разговор. Теперь все равно было уже ничего не сделать.

– Рожать будешь?

– Я... не знаю, – зарылась лицом в ладони, пытаюсь собраться с мыслями. – Вся жизнь просто враз перевернулась. Это... страшно.

– Конечно, страшно! Очень страшно! – неожиданно поддержала подруга. – Ты хоть представляешь, от кого ты залетела? Это ж не просто бабник! Он бандит! Самый натуральный. И Алмазов этот... его дружок. Тоже с криминалом связан. Нельзя с такими пересекаться. Ох нельзя...

– Ты-то откуда знаешь? – насчет того, что Нагицкий меняет женщин чаще, чем балерины пуанты, спорить было бесполезно, но вот все остальное казалось лишь досужими слухами.

– Да весь город об этом знает! С луны, что ли, свалилась? Говорят, там даже органами торгуют подпольно.

▲– Ладно... не продолжай, – поморщилась я, все еще не слишком доверяя тому, что она говорит.

– Ладно? Ладно? – охнула Светка. – Ты хоть понимаешь, во что ты вляпалась? Скоро же фестиваль! Это такой шанс свалить из нашей дыры! В этом году даже из штатов приедут. А если он решит, что для детей опасно, чтобы ты танцевала? Ты же на все девять месяцев окажешься вне игры. А фигура? А здоровье, в конце концов? Уверена, что потом сможешь все восстановить? И что после всего этого он не погонит тебя пинками под зад?

– Не нагнетай, – отмахнулась я. – В любом случае, роли для фестивальной постановки пока не распределили. А если хорошо покажем себя, как Нина в прошлом году...

– Чернова? – прыснула подруга. – Ты что, правда думаешь, она так хорошо станцевала, что ее сразу в Москву взяли? Хотели Сафронову брать, но та, вроде как, нахамила Нагицкому, а Чернова вовремя подсуетилась. Переспала с ним прямо в гримерной во время антракта. Ну тот и замолвил слово за нее. Вот и вся твоя Нина...

– Боже мой, ну и грязь... – после всего, что услышала, захотелось помыться. – И что ты предлагаешь?

Светка вдруг накрыла мою руку своей и проникновенно заглянула в глаза.

– Аборт надо делать. Тайный. Скажешь Нагицкому, что был выкидыш, и он от тебя отстанет. Я тебе помогу.

Прозвучало это настолько дико, что я икнула от неожиданности. Мне сразу представилось полуподвальное помещение с единственной лампочкой под потолком, качающейся из стороны в сторону с отвратительным скрипящим звуком, и доктор в серой застиранной марлевой маске и перчатках, по локоть перепачканных кровью.

– На сомнительные операции я точно не пойду, – поспешно открестилась.

– Да ладно тебе! У меня тетя медсестрой в одной из районных гинекологий работает. Если платно к ним поступаешь – на документы никто даже не смотрит. Я могу сама записаться на прием, а ты вместо меня пойдешь... – она на миг задумалась. – Хотя нет, меня лучше не надо. Это тоже может вызвать подозрения... Ну я что-нибудь придумаю.

▲С каждой минутой ситуация, в которую я попала, нравилась мне все меньше и меньше.

– Ты как себе это представляешь вообще? Думаешь он не заметит, если я куда-то поеду?

– А не надо никуда ехать! – Светка хлопнула себя по лбу. – Сейчас же таблетки есть. Принимаешь две штуки и все – просто начинаются месячные. И живешь дальше как ни в чем не бывало. Нагицкому тебя даже упрекнуть будет не в чем. Хочешь, я тебе такие через тетю достану? Принести?

– Ну не знаю... – я пожала плечами, не уверенная в том, что действительно хочу этого. С другой стороны, может, пусть будет? А принимать их или нет, я еще сто раз подумаю. – Принеси.

– Это уже похоже на план. – искренне улыбнулась светка, и снова принялась за суп. – Блин, вкусно! Дашь рецепт?

Неопределённо покачала головой, тоже взявшись за ложку, только что бы не отвечать сейчас.

– А еще ему прямо у меня позвонила какая-то девица, – мне самой не понравилось, как это прозвучало. словно я жалуясь. – У него высветилось «Хурма» в телефоне.

– Хурма? – подруга вытаращила глаза от удивления. – Ну... может, какой-нибудь продавец фруктов, там... странно.

Я пожала плечами, вздохнула и опустила лоб на сжатую в кулак руку.

Глава 4

Герман Нагицкий сидел в кабинете генерального директора фирмы «Алмаз-Фарм» Виктора Алмазова и уже в пятый раз пытался вчитаться в результаты протокола УЗИ, которые ему принесли, а также в результаты анализов крови.

– Почему сразу не сказал, что двойня? – недовольно буркнул он, откинув папку на стол.

А глупое сердце, тем временем, стучало как заведенное, даже руки вспотели. Неужели Ирина – та самая? Та, которую он так долго искал. В череде бесконечных провалов могла ли ему улыбнуться удача?

▲– Кто ж знал, что ты сразу к ней побежишь, – фыркнул Виктор. –

Скажи спасибо, что вообще позвонил. Мне врачи данные пациентов не докладывают. Случайно увидел ее в коридоре зареванную, ну интересно стало, зачем приходила. Память на лица у меня хорошая, особенно на тех, которых приходится зачаровывать.

Язвительный тон напомнил сразу о нескольких сделанных когда-то ошибках. Герман поморщился, но промолчал. Крыть было нечем. Не выдержав, мужчина снова взял папку в руки.

– У тебя достаточно материала, чтобы провести дополнительный анализ? Я хочу убедиться, что это не случайность. Что два ребенка действительно означают, что она... – мужчина сглотнул, так и не договорив. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Алмазов наклонился поближе.

– Сколько времени ты уже проводишь свои эксперименты? Даже с учетом того, что от таких, как ты, женщины редко, но вполне беременеют, конкретно от тебя не понесла ни одна.

Герман облизал разом пересохшие губы.

– Тебе ли не знать, что чудеса случаются.

Черно-белая фотография с аппарата УЗИ с двумя точками на ней приковывала взгляд.

В кабинете повисла тишина.

– Думаю, за неделю управимся, – вынес наконец вердикт Виктор.

– Мне и самому интересно, какой из двух вариантов окажется верным.

– Двух вариантов?

– Ну, либо она действительно одна на миллион, либо попросту спала еще с кем-то, кроме тебя. И многоплодная беременность имеет вполне естественные причины, – пожал плечами Алмазов.

Внутри вскипела волна негодования, руки сами собой сжались в кулаки. Герману пришлось себя пересилить, чтобы не ударить по этой лощеной морде с аристократическими замашками.

Вот только это было сейчас лишним. Чтобы сдержаться, он поднялся с места и подошел к окну. На город опускались сумерки, за окном зажглись фонари. Темное стекло на мгновение выхватило его отражение.

Загнутые назад рога и полностью черные глаза без намека на радужку.

▲– Я найду через неделю, – бросил он, наконец выходя. Сначала из кабинета, а затем и вовсе покидая здание.

За эту неделю надо будет успеть очень многое. Но он всё сделает, ведь у него наконец есть ради чего сворачивать горы.

Дорога к дому не заняла много времени. Раньше он жил в одном из многоквартирных зданий совсем рядом с театром, но год назад решил переехать в частный сектор.

Дом был большим, с высоким забором, увитым плющом. Сейчас, когда весна наконец полностью входила в свои права, готовая в любой момент перерасти в летний зной, иногда было приятно посидеть в саду.

– Добрый вечер, Герман Игнатьевич. Вы сегодня рано, – молодой парень, которого он нанял следить за домом, принял у него пиджак. – Может, вам кофе сделать?

Еще год назад он заметил того на экзаменах в театральное училище их города, где тот с треском провалился. В этом году парень приехал поступать снова – и снова его ждала неудача.

– Нет, Антон... Хотя. Да. Сделай кофе.

Парень убежал делать кофе, а Герман поднялся себе в кабинет. Парень показался ему находкой, честный, принципиальный, да еще и талантливый. Чем приемная комиссия смотрела – непонятно. Но возвращаться в свою родную деревню во второй раз Антон не хотел, а потому с радостью согласился на предложение подработать, а заодно получить протекцию при поступлении в следующем году, если в этом будет хорошо следить за домом.

Нагицкий не успел расположиться в кресле, как в дверь коротко стукнули.

– Герман Игнатьевич...

– Что, уже сделал?

– Нет, там к вам пришли... девушка.

Это мог быть кто угодно, но сердце невольно пропустило удар.

Ирина? Возможно ли, что она сама решила прийти к нему? Быть

может, хочет поставить какие-то свои условия?

Но какие могут быть условия, когда инстинкты вопят благим матом, и хочется только одного – схватить ее в охапку и никогда больше не отпускать, никому не отдавать?

♣И ведь он чувствовал, знал! Его неспроста к ней тянуло как ни к кому другому прежде. И вкус у нее не такой, как у всех. Легкий, освежающий, наполняющий энергией. Как летний луг, как журчание реки, как вся мощь дикой природы...

– Что же ты стоишь, веди ее! – резче, чем следовало, поторопил он парня.

Антон кивнул, тут же скрываясь за дверью.

Вдох. Выдох.

Когда через минуту дверь открылась снова, напряжение в комнате стало таким осязаемым, что его можно было черпать ложкой.

– Герман Игнатьевич... – тонкий девичий голос прорезал тишину.

Пожалуй, такого разочарования он не испытывал с детских времен, с тех пор, когда написал первое в своей жизни стихотворение.

Идеально выверенные слог и рифма, подтекст, смысл. Он убил на эти двенадцать строчек около месяца в перерывах между учебными занятиями, показал отцу, но тот разорвал в клочья, сказав, что эта вирша не стоит и бумаги, на которой написана.

Вот и сейчас было чувство, словно его разом макнули в грязь, опустив с небес на землю.

– Я разве разрешал приходить к себе домой? – скривился Герман, откидываясь на спинку кресла.

– Герман Игнатьевич, – заискивающе начала девушка. – Вы обещали перезвонить мне еще вчера... я так ждала.

Она несмело прошла вперед, прикрывая за собой дверь и бросая на пол дамскую сумочку. Осанка, походка, нарочно расстегнутые две верхние пуговицы на рубашке. Волосы забраны в высокий хвост, что только подчёркивает ее худобу и изящность.

Она уже четыре года работала в театре оперы и балета. Но раньше он ее и не замечал вовсе. Лишь пару недель назад, когда Нагицкий был раздавлен очередным отказом Ирины, эта женщина сама пришла к нему и предложила себя. Правильно ли он поступил, утешившись в ее объятиях и напитавшись ее талантом? Вкус был не так плох, но после Ирины все казалось фальшивым, ненастоящим.

Вот и сейчас сцена была ужасно наиграна. Она изящно

опустилась перед ним на колени, просительно заглядывая в глаза.

– Я... соскучилась, – робко улыбнулась она, призывно облизав губы.

▲– Светлана, тебе не в балет надо было идти, а в театр. Такой талант пропадает.

Мужчина втянул носом воздух, во рту разлился терпкий приторный вкус ее таланта. Вяжущий, как у хурмы.

– Я не совсем понимаю... – протянула она, осторожно касаясь его ноги кончиками пальцев.

Нагицкий предупреждающе покачал головой.

– Встань, возьми сумку и возвращайся домой, – сухо произнес он.

– Вы... – голос девицы дрогнул, на глаза навернулись слезы, – не хотите меня больше видеть?

Во рту снова стало сладко, а настроение почти незаметно, но улучшилось. Вот только от этой сладости сводило зубы. Все-таки какой талант пропадает! И что она в балете делает?

– Я... была недостаточно хороша? – голос девицы упал до приглушенного шепота. – Герман Игнатьевич, только скажите, что мне сделать, и я все сделаю, только не прогоняйте меня...

Она снова попыталась погладить его, но Нагицкий ловко перехватил ее руку.

– Ты была вполне хороша, моя дорогая. Но обстоятельства изменились. Больше я в тебе не нуждаюсь. Ты свободна. Будешь выходить, скажи парню в коридоре, чтобы притащил наконец кофе.

– Это из-за нее? Из-за нее, да? – Светлана будто его не слышала. – Из-за того, что она залетела?

Нагицкий закатил глаза, мысленно считая до десяти.

– Да, это из-за того, что твоя подруга забеременела, – в конце концов, какой смысл скрывать, если он намеревается сделать все, чтобы открыто заполучить Ирину себе.

Только знать бы еще, как все это осуществить. Может быть, снова попробовать обратиться к Алмазову? Но если правда всплывет, откатить назад не получится. Стоит ли рисковать?

Мужчина постучал пальцами по столу, раздумывая.

– И для тебя же будет лучше, если Ирина не узнает о том, что мы с тобой спали, – прикинув, произнес он. – Раз вы все-таки общаетесь.

– Да! Мы дружим, – Светлана ухватилась за эту мысль. – Я даже ночевала у нее сегодня. Она мне все-все рассказала. Что не любит вас, боится, что не хочет ребенка... Герман Игнатьевич, пожалуйста, я не такая, как она...

▲Вот уж точно. Не такая. Все равно что «кока-колу» с розовой водой сравнивать.

И снова эта вяжущая сладость во рту.

– О, Господи. Перестань. Ты переигрываешь. У меня зубы от тебя сводит, – взглянув на дверь, он крикнул. – Антон, принеси уже чертов кофе!

«Это срочно надо запить...»

– Но я говорю искренне... – растерялась девица.

Нагицкий смерил её взглядом. Подготовилась к встрече она, конечно, основательно. Макияж неброский, но очень выразительный, обтягивающая одежда, открывающая взгляду аппетитные формы. Да даже сама поза открывала обзор на грудь почти полностью.

Если бы не Ирина, он бы наверняка сейчас воспользовался тем,

что само плыло в руки.

– Говоришь, сделаешь все, что я захочу? – протянул Герман.

– Да, одно слово, и я... – она встrepенулась, привстав на коленях, и тут же потянулась к рубашке, проворно расправившись с еще одной пуговицей.

– Стой. Сначала скажи мне, чего ты хочешь.

– Что?

– Цену. Ты же не просто так ко мне лезешь. Что ты хочешь получить от меня?

– Вы мне нравитесь, очень... я просто...

– Правду.

– Но я говорю правду, я думаю о вас постоянно, и...

– Если это все, то дверь там, – отрезал он.

Девушка поджала губы, и в какой-то момент он подумал, что та сейчас снова начнет косить под дурачку, но нет. Сказала прямо:

– Я уже четыре года в кордебалете. Даже не в столичном театре, а где-то на задворках. А я хочу... внимания. Сольные партии. Хочу выбраться отсюда наконец. Хочу гастроль по миру, чтобы...

Она резко замолчала.

– Ты сказала, что вы с Ириной подруги. Так убеди ее сохранить ребенка и вернуться ко мне. И ты получишь все, чего так давно хочешь, – он протянул ей руку.

Девушка несколько секунд смотрела на эту руку, а затем приняла ее.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/rogatyi-papa-b353737>